

Никто ничего не знал и не говорил. Посетители чайного дома переглядывались, не решаясь пошевелиться. Тут-то и проявилась смекалка собравшихся. Несколько человек, истинных мастеров чтения обстановки, видя, что Шэнь Дуань спокойно пьёт чай, поняли: дело кончено, а даже если и нет, до них огонь не доберётся. Тут же принялись уговаривать остальных продолжать веселье.

Остальные опомнились и снова заговорили, но тема сменилась.

— В один день трёх великих мастеров повстречать — редкость неслыханная! Шэнь Дуань — ладно, его каждый раз, когда Долина Персикового Цвета на вызов идёт, хоть мельком да увидишь. А Ван Чэнцянь каждый раз под новым лицом в мире рек и озер появляется, встретишь — и не узнаешь. Возрождённый Яма и вовсе редкость — он в основном при дворе, войсками командует, в мир рек и озер почти не ступает. Шанс всех троих в одном месте застать — раз в жизни.

А одному парню с дальнего угла и вовсе повезло: он ещё и Горького даоса видел.

Стали обсуждать, не сходить ли в игорный дом, раз удачный день выдался — такое не каждый раз бывает.

Несколько человек, разгорячившись, прямо на месте пари заключили, шумно делая ставки. В чайном доме снова стало оживлённо.

А Шэнь Дуаня и след простыл. Даже место, где он сидел, уже занял другой, будто его и не было.

Теперь о Ван Чэнцяне.

Тот боялся, как бы Шэнь Дуань не опомнился и не бросился в погоню. Рванул из чайного дома вспять, словно гигантская птица крылья расправил, потом переворот в воздухе сделал — и на дерево. Дальше пошёл не обычной дорогой, а по верхушкам, лёгкой поступью.

Летит-летит — и чувствует: что-то не так.

Чешется.

Всё тело чешется.

Пропать! Всё-таки попался на уловку Шэнь Дуаня!

Бесстыжий! Вот почему не догонял! Значит, заранее ядом подсыпал! Жаль, что я ему тем ударом меча отвечал!

Но когда он успел?

Ван Чэнцянь вдруг вспомнил, как Шэнь Дуань рукавом потрянул. Наверняка тогда. У Шэнь Дуаня, Иглы Персикового Цвета, даже волос ядом пропитан, не то что рукава.

— Сегодня мне крупно не повезло. Горького даоса зря похвалил, да ещё и от Шэнь Дуаня убыток понёс.

Ван Чэнцянь шёл и чесался. Пудра, вызывающая зуд, сильной не была, но вред от неё немалый: могла и галантного молодого мастера в простого прохожего, ищущего, где бы помыться, превратить.

А Горький даос Тан Юань, о котором все вспоминали, разложил свой прилавок и сладко спал в тени дерева, пока клиент не разбудил.

— Эй, гадатель, гадатель!

Пришедший был с головой, обёрнутой синим платком, так туго, что каждый волосок казался вплетённым в ткань. Тан Юань, пробуждаясь, раскрыл глаза и увидел перед собой лысого монаха с синей головой.

— Эй-ей, проснулся. Вы погадать желаете, молодой мастер? — промолвил Тан Юань, потирая глаза.

Тот выглядел крайне взволнованным, даже больше, чем если бы до уборной добежать спешил:

— Где здесь ближайший конный рынок? Мне срочно лошадь купить нужно, в путь тороплюсь.
— Говорил он со странным акцентом, Тан Юань с первого раза даже не разобрал и попросил повторить.

Звучало необычно. Тан Юань впервые слышал такой странный запрос на гадание. Не знал, есть ли тут скрытый смысл, и как отвечать. Спросил:

— Моё гадание двадцать лянов стоит. Вы точно гадать хотите?

— Хочу, хочу! Двадцать лянов? Держите! — Синеголовый вытащил двадцать лянов и шлёпнул на стол. Тан Юань заметил, что на груди у него что-то спрятано — что-то, что он прижимал ещё крепче, чем свои волосы.

— Мастер, просто скажите, где здесь ближайший конный рынок.

Тан Юань указал на восток:

— Прямо на восток идите, увидите.

Синеголовый, осыпав благодарностями, удалился. Тан Юань остался под деревом в недоумении. Неужели правда просто дорогу спросить? Почему не у первого встречного?

Не прошло и получаса, как с востока примчалось несколько лошадей редкой масти. Лошади — загляденье, а вот всадники — нет.

Все были в засохших брызгах грязи, словно только что из лужи вылезли. Один, запыхавшись, спрыгнул с коня, вытащил из-за пазухи смятый листок и швырнул перед Тан Юанем:

— Этого человека не видели?

Тан Юань поднял листок, повертел так и сяк, брови нахмурил.

Портрет был мастерски исполнен.

Нос — носом, глаза — глазами. Но кто изображён — не понять.

Всадник, видимо, и сам понимал, что портрет не ахти, сухо добавил:

— Вид у него торопливый, а главное — волосы жёлтые, не как у людей с Центральных равнин.

Тан Юань вспомнил про синеголового, но тот свои волосы так тщательно прятал, что ни один волосок не торчал. Лишних проблем не нужно — Тан Юань покачал головой:

— Не видел.

(Четвёртая часть)

В тот вечер Тан Юань вернулся домой.

Не в столичный.

Он прикупил небольшой двор: две комнаты, кухонька да ещё и финиковое дерево в придачу — всего за пятьдесят лян. Показалось дешёво — и взял.

Пусть и на отшибе, зато есть где голову приклонить, бездомным не останешься.

Уроженцем мира боевых искусств он не был. У других были школы, наставники, поддержка, а у него — нет. Наставник его из каких-то глубинок был, мастерство имел, но имя его никто не знал. Так что пробиваться было куда труднее.

Мир боевых искусств только с виду вольный, а интриги да борьба за славу ничуть не легче дворцовых, иной раз и до смертоубийства доходит.

Где люди — там и распри.

Юань Сяо — исключение. Славу он кровью заслужил, потому и вышло, что сам в мире рек и озер не появляется, а слухи о нём не утихают.

С самого вступления в этот мир у Тан Юаня привычка была: говорить — половину, делать — с запасом.

Гадал — всегда половину правды говорил, вторую в намёках оставлял, пусть сами догадываются. Скажешь больше — ещё и попеняют.

Привычка эта не раз его от опасности уберегала, не раз спасала в трудную минуту. И сейчас тоже. Хорошо, что перед тем, как войти, он ещё раз огляделся.

Финиковое дерево у входа листья сбросило.

Дерево то было странное: в обычное время листьев не теряло, будто они ему дороже жизни. Но стоило осени наступить, воздуху похолодать — оно, словно опасность почуввав, за ночь облысеет. За пару дней — совсем голым стоит.

А сейчас не время листья терять.

Тан Юань подумал, но не подал виду — кричать всё равно некому, кругом ни души. Огляделся, увидел свой гадательный флажок. «Вот ты мне и пригодишься», — подумал он.

Взял своё орудие пропитания и, будто так и надо, вошёл в дом. В комнате темно, но Тан Юань не спешил свет зажигать. Не торопясь подошёл к столу, от души кувшин воды осушил. Чувал он, что сегодня вечером много говорить придётся.

Так и вышло: только кувшин поставил — услышал сзади свист. Небыстрый, но под хитрым углом. Он и уворачиваться не стал, просто флажок за спину подставил.

Лязгнуло — флажок клинок короткого меча поймал. Тан Юань кисть развернул, пытаясь оружие выбить. Но нападавший оказался сообразительным: раз не вышло — сразу отступил. Так чисто, будто заранее рассчитал.

Последующие приёмы Тан Юаня впустую прошли, и досада взяла: либо бейся, либо не лезь, а то ударил — и отскочил, только дразнишь.

— Что почтенный желает? — Тан Юань флажок отложил, спину открыл — не боится. Из кармана огниво достал, осторожно раздул, фитиль лампы зажёт. Ставя лампу на стол, гостю место указал:

— Присаживайтесь.

<http://bllate.org/book/16265/1463493>